

* * *

Николаю Редъкину

Пустая комната вселяется в меня
Всем холодом своим и одиночеством.
За стенами зима.
Мороз крепчает к ночи
И печка что-то говорит
Мне мимикой огня.
Здесь столько близких жизней протекло.
Что рассказать хотят
На стенке блики
Горящих дров?
Мерещатся мне лики
Родных людей.
Мгла давит на стекло.
В морозное окно
Она следит за мной.
За ней просторы стужи и забвенья.
В каком-то забытьи
Меж пламенем и тьмой
Я ворошу
Гудящие поленья.

* * *

На берегу пруда
Пасется мирно мерин.
Покоится погост.
Трепещет костерок.

Я с удочкой стою,
В сухой степи затерян.
Гляжу во все глаза
На подлый поплавок.
Что эта лошадь мне.
Что храп ее печальный.
Что этот мне погост —
Приют чужих могил.
И что для них я сам?
Так человек случайный...
Но вдруг —
Как будто жизнь
Свою всю здесь прожил —
Такой родной землей
Пахнет от мглы окрестной,
От первых летних звезд
Над стихнувшей водой.
А ты откель, земляк? —
Прикурит житель местный
Да, тут недалеко —
Махну в простор рукой...

* * *

Далекие светлые годы.
Где первые в жизни грехи...
Где лучшие в жизни погоды.
Ветра, поцелуи, стихи.
Мы лезли на верхние полки.
Глядели вперед налегке.
И в стоге искали иголки.
И шило таили в мешке...

МАКАР НАГУЛЬНОВ

Вот из гроба встал
Макар Нагульнов.
По селу уснувшему идет.
И нигде не видит сельсовета.
И Макара оторопь берет.
Он в кармане свой наган сжимает.
Красных флагов тоже не видать.
Значит к власти
Все ж пробилась контра —
И Лукич
И вся кулачья знать.
Значит, братцы, зря давил я гадов,
В голод загоняющих страну.
Шел Макар сурово
Сквозь чужую
Бьющую изменой тишину...

МЕШОК

Сухой сентябрь. Иссяк колодец.
Кого винить? Себя? Судьбу?
Где был народ — возник народец
С мешком огромным на горбу.
Он счастлив — аж трясутся ноги.
Ему себя бы поберечь...
Куда он с ним придет в итоге,
Коль вовремя не скинет с плеч...

* * *

После Покрова
метельного ждать покрывала.
Снег и морозы
конечно еще — не Помпея.
Но что когда-то сияло, звучало и звало —
Все это в прошлом
и силы уже не имеет.
Каждый с рожденья
заносится в списки пропавших.
Раньше иль позже
приходит щемящая зрячесть.
Нет ничему в этой жизни
цены настоящей
Средь прямодушья
и лживых бездушных
изяществ.

ОЗЕРО

Дочери Ирине

Озеро, окруженное
Елью, березой, сосной,
Холодно, отстраненно
Блещет осенней волной.
Дремлют забытые дачи.
В лес, предвечерний чужой,
В лай отдаленный собачий
Вслушиваюсь душой.
Малость побуду. Уеду.
И не вернусь никогда.
В сердце заплещется следом
Озеро — небо, вода...

* * *

За сотни верст —
роскошная столица.
Кого она
вниманьем одарит?

Под снегом
с треском рухнула теплица
Внезапно,
как с небес метеорит.
Вокруг следы
звериные и птичьи.
Суровой зимней жизни тишина.
Здесь вдалеке
от роскоши столичной
Иная роскошь
мне дана сполна.

* * *

Они как будто бы эскизы
То к радости, а то — к суду —
Какие-то моменты жизни,
Объединенные в судьбу.
Они блестят, шумят и дышат
Из ясных дней, из мглы ночной,
Где я унижен
иль возвышен,
Но честен пред самим собой.